

МАКСИМ ПРИВЕЗЕНЦЕВ

ШОТЛАНДСКИЙ ВЕТЕР

Сермочтова

18+

Книги о путешествиях

Максим Привезенцев

Шотландский ветер Лермонтова

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Привезенцев М.

Шотландский ветер Лермонтова / М. Привезенцев — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Книги о путешествиях)

Михаил Юрьевич Лермонтов был не только особенным поэтом, но и личностью выдающегося масштаба. Человек, чей род имел шотландские корни. Истоки рода, места, где много веков назад жили предки поэта, решил исследовать Максим Привезенцев. Он отправился в мотопутешествие по Шотландии. Максим пытается найти ответ на вопросы: мог ли Лермонтов кардинально изменить свою жизнь, окажись он в Шотландии? Что случилось бы с Лермонтовым, окажись он в 1841-ом году в горах Шотландии, а не Кавказа? Параллельно в книге развивается сюжет, раскрывающий главные события в жизни Лермонтова, приводящие Лермонтова к фатальной развязке.

© Привезенцев М., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

1831 июня 11 дня

Миша Лермонтов медленно поднялся вверх по лестнице, вошел в комнату на втором этаже и, закрыв за собой дверь, побрел к кровати.

«Глупый! – думал он про себя. – Чего, интересно, ты ждал? На что надеялся?..»

Усевшись на перину, Миша придвинулся к стене, оперся на нее спиной. Наверное, ему бы надлежало горевать, но он ощущал внутри себя лишь странную пустоту – будто из него вынули нечто важное, но вынули нечаянно, безо всякого намерения причинить боль.

«Хотя... может, я просто этого еще не понял?»

– Мишель? – послышался из-за двери женский голос. – Я могу войти?

Юноша промолчал, рассеянно глядя перед собой. Мысли путались в голове, – осознание случившегося по-прежнему не наступало.

– Может, все-таки ответишь? – нетерпеливо спросили из-за двери.

Юноша вздрогнул, и покусав губу, сказал:

– Прости, задумался...

– Так я войду?

– Конечно!

Дверь открылась, почти бесшумно ступая по паркету зашла Елизавета Алексеевна. Ей не было и шестидесяти, и казалась она значительно моложе своих лет; только две детали могли выдавать истинный возраст – белоснежно-седые локоны, выглядывающие из-под чепца, и усталые, выцветшие глаза, некогда бесконечно зеленые, точно луговая трава, пропитанная утренней росой.

– Так что случилось, Мишель? – участливо спросила бабушка.

Юноша посмотрел на нее исподлобья, и она против воли на мгновение скривила губы. Тому виной служили его красивые карие глаза – наследие рода «Лермантов», столь нелюбимого Елизаветой Алексеевной. Ничего во внешности внука больше так не смущало бабушку, хотя, вот ведь ирония, это была единственная приятная деталь во всем портрете юноши. Огромная голова, широкий лоб и острые скулы, вздернутый кверху нос... Миша не был красив, но, поскольку все свои характерные черты унаследовал от покойной матери, Елизавета Алексеевна любила их в нем – они напоминали ей о дочери.

Сделав вид, что не заметил мимолетной гримасы бабушки, Миша пожал плечами. Елизавета Алексеевна, шумно вздохнув, подошла к кровати и опустилась на перину рядом с внуком. Некоторое время они молчали – бабушка смотрела на Мишу, а тот – в сторону, избегая ее взгляда. Говорить юноша не желал; собственно, он вообще ничего не желал в те минуты – кроме, разве что, не оставаться в комнате наедине со своими мыслями. Посидеть бы еще вот так, не издавая ни звука, но понимая, что подле тебя есть кто-то еще, слышать дыхание, улавливать взор...

– Это все из-за Натальи? – спросила Елизавета Алексеевна.

Миша нехотя покосился в сторону бабушки, снова неопределенно повел плечом, но вопрос ее, кажется, был скорей риторический, поскольку она тут же с теплой улыбкой произнесла:

– Ну полноте, мой соколик! Наталия, конечно же, мила и хороша собой, но не обязательно ведь она – та самая, единственная, по которой стоит лить слезы?

– А я и не лью, – тихо, но без тени волнения ответил внук.

Елизавета Алексеевна коснулась его плеча:

– Я вижу, мой черноокий. И знаю, что не будешь, ты не из таких... но тревожусь, чтобы ты не стал все прятать в себе, чтобы не закрылся от меня...

– Не тревожься, – ответил юноша. – Для выражения эмоций у меня всегда есть перо, чернила и тетрадь.

– И верно... – помедлив, пробормотала Елизавета Алексеевна. – Как я могу забыть...

Видя, что ей неприятно упоминание тетради со стихами, Миша отвернулся к окну прямо над письменным столом, обтянутым сукном. Снаружи, наконец, распогодилось: утром лил дождь, бесчинствовал ветер, но теперь природа постепенно успокаивалась, выглянуло солнце, и о былом буйстве стихии напоминала лишь прохлада да клочки серых туч, хаотично разбросанные по небу. Юноша подумал, что ему неистово хочется оказаться как можно дальше от усадьбы Середниково и всех мирских переживаний – от бабушкиного недовольства, связанного с его увлечением поэзией, от Наташи, которая заставила его сердце пылать, сначала грея душу робкой надеждой, а позже беспощадно истребляя веру в счастливый исход...

«Мне бы воспарить над всем этим, над всей этой суетой – каким-нибудь необыкновенным, чудесным образом...»

– Если хочешь, я останусь, – сказала Елизавета Алексеевна, заметив, что внук снова погрузился в думы.

– Наверное, не стоит, – мягко, насколько только мог, ответил Миша. – Я один побуду немного... ладно?

Бабушка кивнула, напоследок провела рукой по непослушным волосам внука и, поднявшись с кровати, побрела к двери. На пороге Елизавета Алексеевна оглянулась.

– Ах, Мишель!.. – произнесла она, и голос ее при этих словах едва заметно задрожал, точно пламя свечи на сквозняке. – И ведь это ты сейчас только в самом начале пути! А сколько всего еще будет...

Внук неуверенно улыбнулся и промолчал. Качая головой, бабушка закрыла дверь. Наслаждаясь тишиной, гармонирующей с пустотой, поселившейся у него внутри, Миша вдруг услышал, как застучали по дороге копыта и заржали кони. Поднявшись с кровати, юноша подошел к окну и выглянул во двор: старенький почтовый экипаж, которым было доставлено прощальное послание Натальи, медленно, «вразвалочку», со скрипом вращая погнутыми колесами, катился к воротам усадьбы.

Обрывки этого злосчастного письма уже, наверное, разметал по усадьбе ветер, равнодушный к влюбленным душам. Впрочем, Миша помнил каждую строчку, каждую букву, каждую запятую, оброненную изящной рукой Натальи Федоровны к месту и нет...

«Прошу оставить всякие попытки... мне это неприятно... взываю к вашему сознанию и чести, Мишель...»

Вдруг юноша встрепенулся и оглянулся через плечо на стол. Медленно, точно боясь спугнуть норовистую музу, он отступил назад, сел на стул, придвинулся... и замер. Со стороны могло показаться, что он все еще прислушивается к улице, дожидаясь, когда же проклятый экипаж окончательно удалится из усадьбы. Иной бы решил, что Миша рассматривает древнее потресканное пресс-папье, которое напоминало старый одинокий паром, плывущий по морю бумаг. Но на самом деле юноша подбирал нужные слова – губы его едва заметно шевелились. Наконец, кивнув, будто в знак согласия с незримым советчиком, он раскрыл толстую синюю тетрадь, макнул перо в чернильницу и вывел на чистом листе:

*«Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала...»*

* * *

1834

– Скажи, Монго, а какой он – Лермонтов? – спросил Петр Алексеевич Уваров, глядя в окно кареты.

Экипаж, который вез их из самого сердца Петербурга, из дома Столыпиных, уже заехал на территорию усадьбы Ивановых и теперь неторопливо приближался к парадному входу. На крыльце, пританцовывая, чтобы не замерзнуть, дежурил одинокий лакей в праздничном сюртуке; балкон второго этажа пустовал – желающих подышать свежим воздухом в этот декабрьский вечер по природным причинам не находилось. Из труб на покатой крыше валил сизый дым – видимо, слуги едва успевали подкидывать дрова в камин.

– Мишеля сложно описать, – подумав, ответил Столыпин. – Каждый видит его по-разному. Скажу тебе, какой он для меня, и ты, возможно, разочаруешься, потому как будешь ждать слишком многого. Или, наоборот, удивишься, до чего тускло я его описал. Так что не жди от меня рассказов, тем более что мы уже почти на месте и скоро встретимся с ним.

– Ну, хорошо, – легко согласился Уваров.

Он заметно нервничал: будучи затворником по своей природе, Петр Алексеевич до жути не любил выходить в свет, тем более – посещать балы. Но ради встречи с Лермонтовым Уваров был готов на многое – даже проигнорировать увещевания кузины Анны, считавшей Мишеля самодовольным фигляром. Стихи, которыми Монго на правах друга детства любезно делился с Петром Алексеевич, постоянно звучали в его голове; изо дня в день он припоминал то одну строку, то другую и испытывал подлинную радость, когда находил в уже зазубренных оборотах некий смысл, ранее ускользавший.

«Безумно интересно, каким он окажется».

Лакей, неуклюже покачиваясь, сошел к карете и распахнул дверь. Внутри тут же ворвался холодный ветер, заставив Уварова зябко поежиться. Монго поднял воротник, дабы защитить шею.

– Добро пожаловать в усадьбу Ивановых, господа, – хрипло сказал лакей, худой, бледный и чуть сгорбленный мужичок лет около сорока с тонкими бакенбардами. – Хозяева рады вашему визиту...

Он закашлялся – видно, болел. Уваров сделал вид, что не обратил на это внимания, спустился на землю и, дождавшись друга, вместе с ним пошел ко входу. Лакей торопливо засеменил вперед них, дважды едва не упав на скользких ступеньках, но удержав равновесие, схватился за резные ручки и распахнул двери, позволив шуму, царившему внутри, накрыть гостей с головой. Петр Алексеевич от неожиданности вздрогнул и даже замер на пару мгновений, будто в сомнении – а не вернуться ли назад, в экипаж? Однако же под удивленным взглядом Монго быстро взял себя в руки и, выдавив улыбку, все-таки переступил через порог и устремился вглубь дома.

Тут же к гостям подоспел другой лакей, куда более улыбчивый и румяный, поприветствовал и, забрав головные уборы, спешно удалился, дабы не смущать пожаловавших господ.

– Пройдем в гостиную? – сходу предложил Монго. – Поздороваемся с хозяевами, если они отдыхают там за сигарой, а заодно поищем Мишеля.

Уваров не спорил. В вопросах, как вести себя на балу, он, малоопытный скромняга, всецело доверял своему товарищу, для которого посещение танцев было любимой привычкой.

Проходившие мимо дамы не упускали шанса если не улыбнуться, то хотя бы скользнуть по вновь прибывшим заинтересованным взглядом. Это желание казалось совершенно естественным: Уваров и Столыпин оба были высокого роста и крепкого сложения, с гусарской выправкой, в черных щегольских сюртуках, начищенных туфлях и с яркими шейными платками. Другое дело, что большинство барышень в девяти случаях из десяти предпочли бы смазливое лицо Монго невзрачной физиономии Петра Алексеевича – чего стоил только острый, точно добрый таджикский кинжал, подбородок, который он безуспешно пытался замаскировать щегольской бородкой и бакенбардами, или нос, похожий на клюв хищной птицы. Впрочем,

не считая себя красавцем, Уваров никаких комплексов из-за своей внешности не испытывал. Как говаривал отец Петра Алексеевича, ныне покойный: «Мужчина должен быть немногим красивой и ловчей медведя, но при этом так же силен и отважен».

Подойдя к распахнутым дверям гостиной, Уваров и Монго услышали доносившиеся оттуда женские и мужские голоса:

– Где певчие поют, там первый слог бывает...

– Нет, ну с певчими-то все понятно...

– Чего понятно-то? Где поют, в церкви?

– Хор-то!

– А дальше что? Второй не только нас, но и скотов кусает...

– А целый – в деревнях крестьян всех утешает!

– Да погоди ты, с целым! Тут бы со вторым разобраться...

– Попроше ничего нельзя было сочинить?

– О, да это, похоже, шарады! – просиял Монго и хлопнул в ладоши с таким видом, будто приехал сюда только ради этой забавы. – Готов спорить, Мишель где-то здесь!

– Он любит шарады?

– Любит, когда в них играют другие. Сам он обычно все быстро угадывает и потом с ироничной улыбкой наблюдает за тем, как остальные мучительно ломают головы в поисках ответа.

– А Михаил Юрьевич, как я погляжу, весьма коварен, – хмыкнул Уваров.

– О, нет, коварство ищет выгоды, а Мишель всего-то развлекается, – поправил Столыпин. – Это совсем другое.

Перешагнув порог гостиной, просторной, с высоким потолком и яркими картинами на белоснежных стенах, друзья обнаружили там плотный круг людей, в центре которого стоял некий молодой человек лет двадцати двух-двадцати трех. Сложив руки за спиной и от скуки притопывая туфлями по паркетному полу, он с ленцой озирался по сторонам, явно наслаждаясь моментом, и время от времени приговаривал:

– Ну что же вы, дамы и господа? Ужель отчаялись найти ответ на мою шараду?

– Это хоровод, – вдруг произнес кто-то.

Голоса стихли. Петр Алексеевич подступил к толпе и вытянул шею, желая рассмотреть говорившего. Им оказался молодой человек среднего роста в зеленом мундире с блестящими пуговицами, выдававшим в нем юнкера. Незнакомец был некрасив, подобно самому Уварову – лоб имел широкий, но невысокий, скулы – острые, а жидкие усики и редкие волосы, зачесанные вбок, только добавляли нелепости его портрету. Однако какие у этого господина были умные карие глаза!.. Наверняка, их взгляд сразил не одну даму – из тех, кто не успел отвернуться раньше, отчаявшись найти хоть каплю красоты в иных деталях.

– А вот и Мишель, – вновь склоняясь к уху спутника, сообщил Монго. – Не удержался. Редкое зрелище... Хотя...

Столыпин ненадолго смолк, а потом прошептал:

– Видишь, за спиной его, барышня, смотрит влюбленно?

Петр Алексеевич кивком подтвердил – что да, видит эту миловидную особу в бежевом платье и с копной черных, как смоль, волос.

– Это, мон шер, Екатерина Александровна Сушкова, невеста нашего общего знакомого, Алексея Александровича Лопухина. Мишель с ним познакомился в университете, с тех пор они дружат.

– Но, позволь-ка, – нахмурился Уваров. – Невестой одному, а так влюбленно смотрит – на его товарища?

– Об том и речь, – загадочно ухмыльнулся Монго. – Кокетка Катенька еще та, а Мишель – большой мастер петь дифирамбы, не даром ведь поэт...

Петр Алексеевич хотел спросить, почему же Лермонтов сам не устранился от Сушковой, раз она собирается замуж за его знакомого, но постеснялся. Уварова смутила легкомысленная реакция Столыпина: казалось бы, такому славному молодому человеку, как Монго, следовало осудить «Мишеля» за предательство дружбы... но этого отчего-то не происходит.

«Отчего? Непонятно...»

– И откуда вы тут, интересно, взяли вторую часть слова? – недовольно пробурчал кто-то из молодых людей.

– Ну а кто же, по-вашему, скотов кусает, как ни овод? – презрительно хмыкнул Лермонтов.

При своем невеликом росте он обладал выдающимся умением смотреть на других сверху вниз. Правда, на взгляд Уварова, это вряд ли можно было считать однозначным достоинством; скорее, это стоило признать характерной чертой, привычкой, который всякий применяет по-разному. И применение, избранное Лермонтовым, Петру Алексеевичу, мягко говоря, не понравилось – не любил он, когда кто-то, пусть даже и человек, талантливый в чем-то, позволял себе взирать на собеседников свысока.

«Лучше уж тогда вообще не заговаривать, чем выказывать... такое».

– Ах, речь про овода! – воскликнула одна из дам. – Вот оно что!..

– А я другого теперь не пойму, – снова забурчал недовольный. – Чем это хоровод всех крестьян в деревнях утешает?

– Полагаю, чтобы это понять, надо с год пожить в деревне с крестьянами, – продолжая улыбаться, сказал Лермонтов.

Сушкова и некоторые другие тихо рассмеялись.

– Ужель нет у крестьян иных развлечений? – продолжал недоумевать молодой человек.

– Пожалуй, об иных на балу приличным господам говорить не пристало, – с прежней гримасой заявил Михаил Юрьевич.

Тут уж развеселились практически все, и даже Уваров невольно улыбнулся, хоть в целом поведение Лермонтова казалось ему излишне вызывающим. Впрочем, все тот же покойный отец учил Петра Алексеевича не делать выводов о человеке, пока не узнаешь его лично.

«Однако ж эта Сушкова и то, что Лермонтов ее от себя не отведит... Разве можно так с товарищем поступать?»

Будто по заказу, Мишель обернулся к Екатерине и протянул ей руку. Сушкова охотно ее взяла, и вместе они побрели в бальную залу, дабы считанные мгновения спустя закружиться в танце.

– Что с тобой, мон шер? – спросил Монго. – Ты как будто чем-то озадачен?

– Да нет, все в порядке, – вздрогнув от неожиданности, ответил Уваров. – Просто... задумался.

– Тебя чем-то удивил Мишель?

– И да, и нет. Покуда сложно сказать, не пообщавшись лично.

– Вот-вот, дождись. Ну, предлагаю тоже проследовать в бальную залу, потанцевать.

– Ты же знаешь, я не большой поклонник таких развлечений.

– Знаю, – хмыкнул Монго. – Ну что ж, тогда можно раскурить по сигаре и подумать, чем себя занять до того, как Мишель не устанет и не вернется к нам.

– Думаешь, он нас видел?

– Да, безусловно. Даже украдкой мне подмигнул. Он явится, и очень скоро, увидишь: танец, может быть, два, и мы уже будем втроем...

За разговором они прошли к одному из пятнистых диванов, на которых теперь, после окончания игры в шарады, более никто не сидел.

– А что же Сушкова? – разжигая сигару, поинтересовался Уваров.

– А что она?

– Она тоже будет с ним?

– Как знать... надеюсь, что нет, – щурился от плотного дыма, сизым облаком поднимающегося к потолку, отозвался Столыпин.

– Она вам неприятна? – осторожно уточнил Петр Алексеевич.

– А разве может быть приятна гуляющая невеста? – усмехнулся Монго.

Тут Уваров окончательно запутался. Если Столыпин понимает, что Катенька ведет себя дурно, то почему не одернет Лермонтова? Или Монго не осуждает Мишеля просто потому, что тот – его друг?

«Как у них тут все сложно...» – подумал Петр Алексеевич.

Маясь, он оглянулся через плечо, на распахнутые двери бальной залы. Там гремел вальс, и пары, черные с белым, кружились в танце. Громко стучали по паркетному полу каблуки; казалось, весь дом подпрыгивает на месте в такт музыке.

Раз-два-три, раз-два-три...

Тут в гостиную вошел растрепанный юноша в помятом сюртуке. Окинув комнату взглядом, он приметил Столыпина и с некоторым облегчением устремился к нему, на ходу воскликнув:

– Монго! Так странно видеть тебя здесь, когда остальные танцуют!

– А вот и наш жених, – шепнул Уварову Столыпин. – Легок на помине...

Поднявшись с дивана, Монго повернулся к Лопухину и с улыбкой воскликнул:

– Мой друг! Какая внезапная встреча!

Они обнялись, но тут же разошлись – Столыпин по-прежнему курил и боялся испортить наряд приятеля.

– А моя Катенька? – спросил Лопухин, отстранившись. – Танцует?

– Все там, – кивнул Монго.

Уваров тоже поднялся с дивана, решив, что сидеть неприлично.

– С Мишелем? – уточнил Лопухин.

Лицо его при этом заметно ожесточилось.

– Послушай, – сказал Монго, снова улыбаясь, но уже не искренне, а вымученно, натужно. – Ну он ведь твой друг. Как и мой. И мы оба знаем, что он просто оберегает ее от других. Только и всего.

Лопухин хотел сказать что-то еще, когда со стороны бальной залы послышались шаги. Все трое – и жених Сушковой, и Уваров с Монго – повернулись на звук и увидели Лермонтова, который вел Катеньку за руку напрямик к ее суженому.

– А вот и вы, – сказал Лопухин, скользнув по товарищу недобрым взглядом.

– Я тоже рад тебя видеть, – совершенно спокойно произнес Мишель.

Лопухин от злости побледнел. Казалось, быть беде, но тут Катенька отпустила руку Мишеля и, сжав запястье жениха, взмолилась:

– Поедем домой, милый мой, хороший! Мне нездоровится... надеюсь, просто усталость...

Лопухин вздрогнул, недовольно, но с каплей жалости посмотрел на Сушкову и нехотя сказал:

– Что ж, поедем... Господа.

Он кивнул Монго, обжег враждебным взглядом Лермонтова и, ненадолго задержав взор на Уварове, решительно устремился к выходу. Катя висела у него на руке, точно платок, наспех повязанный вокруг запястья – безвольная и податливая, она даже не обернулась к кавалеру, развлекавшему ее весь вечер.

Когда дверь за Лопухиным и Сушковой закрылась, Монго тихо спросил:

– И стоит оно того, Мишель?

– Увидишь, что будет, – с прежней невозмутимостью ответил Лермонтов.

Он покосился в сторону Уварова и невозмутимо предложил:

– Может, вместо этих пустых бесед, лучше представишь мне своего спутника? А то мне, право, неловко... как, надо думать, и ему.

Монго устало вздохнул, покачал головой и сказал:

– Это – Уваров, Петр Алексеевич, мой друг детства, а это – Лермонтов, Михаил Юрьевич...

– Тоже друг, тоже детства, – с усмешкой вставил Мишель. – Но отчего-то до сих пор мы не знакомы.

Он протянул Уварову свою руку, и тот ее охотно пожал. Кисть у Лермонтова была небольшая, с тонкими пальцами и кожей, имеющей странный желтоватый оттенок.

«И что в нем, интересно, нашла Сушкова? – мимоходом подумал Уваров. – Лопухин на его фоне – настоящий красавец... Неужто он завоевал ее одними сладкими речами?..»

– Так вышло, – пожал плечами Монго. – Нам было лет по пять, когда отец Петра Алексеевича, овдовев, вместе с ним переехал из Петербурга. Но все дороги, как видишь, ведут сюда...

– Судьба, она же фатум, – изрек Лермонтов, кивая. – Нити расходятся, когда нужно, и сходятся обратно, когда придет время.

Он достал из кармана мятую папиросу. Пока ее разжигал, Уваров спросил:

– Вы настолько верите в судьбу?

– А вы что же, нет? – хмыкнул Мишель, смерив собеседника взглядом.

– Я предпочитаю думать, что многое зависит от самого человека, что он – хозяин своей судьбы, а не наоборот, – осторожно произнес Петр Алексеевич.

– Что ж, думайте так, – пожал плечами Лермонтов.

Он с тоской оглянулся на двери бальной залы и предложил:

– Может, вернемся туда? Танцы мне наскучили, но в карты я бы сыграл...

– Что скажешь? – спросил Монго у Уварова.

Петр Алексеевич колебался недолго.

– Пойдемте.

Лермонтов с явным облегчением хмыкнул и быстрым шагом устремился к дверям залы. Столыпин с Уваровым последовали за ним.

Когда они вошли, играла полька. Вдоль стенки обогнув разгоряченную толпу, прошли к столам с картами; здесь тоже хватало народу. Многие приветствовали Лермонтова, каждый знал Монго, на Уварова же все поглядывали с некоторой долей удивления, но без неприязни.

– Здесь и сядем! – весело сказал Мишель, обнаружив за одним из столов сразу три свободных места.

Поначалу они говорили мало – у них в компании были знакомцы Столыпина, но, видно, не особо ему интересные. Однако потом один из них отлучился в гостиную, и его место занял высокий молодой человек с роскошными черными усами.

– А, князь! – просиял Лермонтов.

Кажется, он был искренне рад видеть вновь прибывшего, и тот охотно ответил поэту взаимностью и расплылся в улыбке:

– Мишель, и ты здесь!

– Не можно было отказать хозяевам! – усмехнулся Лермонтов. – Гляди, тут Монго тоже! Князь охотно пожал руку Столыпину, и тот, повернувшись к Уварову, сказал:

– Случалось ли тебе, мон шер, видеть иллюстрации к стихам Пушкина за подписью из трех инициалов «Г»?

– Случалось, разумеется, – кивнул Петр Алексеевич.

– Ну что ж, теперь ты видишь самого художника, который за ними скрывается. – Монго мотнул головой в сторону князя. – Гагарин, Григорий Григорьевич, собственной персоной.

У Уварова перехватило дух. Он не мог поверить, что, кроме Лермонтова, встретит на балу еще одного творца, чьими работами восторгался.

– Ну, будет вам, давайте лучше сыграем, – отчего-то смутился князь.

Лермонтов распечатал колоду карт, стал ее тасовать, а Монго, воспользовавшись паузой, сказал:

– Это, Гриша, мой старый знакомец, Петр Алексеевич Уваров.

– Очень приятно, – чинно кивнул князь.

Он уже сидел напротив, а потому не стал тянуться через стол, чтобы пожать Уварову руку. Однако Петр Алексеевич почувствовал необходимость что-то сказать и, не придумав ничего лучше, выпалил:

– У вас чудесные рисунки!

Лермонтов громко фыркнул. Князь покосился в его сторону и с улыбкой сказал:

– Благодарю вас, Петр Алексеевич. Мне лестно это слышать.

– А вы сами часом не рисуете? – вдруг спросил Мишель, привлекая внимание к себе.

– Я? – на всякий случай уточнил Уваров.

– Ну да, вы. Вы – рисуете?

– Я, кажется, уже знаю, к чему он ведет, – устало вздохнул князь.

– Вы не ответили, Петр Алексеевич, – игнорируя Гагарина, с нажимом произнес Лермонтов.

– Ну... я бы не назвал себя художником... но что-то пробую рисовать, когда есть вдохновение...

Услышав это, Гагарин закатил глаза, а Лермонтов, напротив, буквально расцвел и спросил сладким, как патока, голосом:

– То есть вы тоже имеете заблуждение, что рисование, подобно творчеству, требует вдохновения?

Видя некоторую растерянность Уварова, Гагарин доверительно сообщил:

– Петр Алексеевич, наш общий друг, Михаил Юрьевич, отчего-то не считает рисование творчеством.

– А что же это тогда? – неуверенно хмыкнул Уваров.

– Ремесло, – невозмутимо ответил Лермонтов. – Такое же, как, допустим, гончарство или резьба по дереву.

– Интересная точка зрения, – медленно произнес Петр Алексеевич.

Он не кривил душой – просто опасался неосторожным словом обидеть Гагарина, которому мнение Лермонтова явно было не по душе.

– Интересно тут другое, – мрачно заметил князь. – Что Михаил Юрьевич и сам рисует, притом весьма недурственно. Но при этом всячески стремится художников низвергнуть.

– Какие громкие слова, мой друг, – поморщился Лермонтов. – Я лишь спускаю вас, рисовальщиков, с небес на землю, а то нам, поэтам, там места не хватит.

Он подмигнул Монго и улыбнулся Уварову – судя по всему, ему доставляло удовольствие потешаться над другом Гагариным.

– Опять дурачишься, – беззлобно добавил князь. – Ну да пусть с тобой. Я на лавры творца уж точно не претендую. Хороший ремесленник – и то мне комплимент.

– Превосходный! – поправил Лермонтов без иронии.

– Как скажете.

– Но ремесленник.

– Сдавайте уж карты! – чуть повысил голос Гагарин.

Тут Лермонтов расхохотался – искренне и до того громко, что люди за соседними столами с недоумением оглядывались на веселящегося поэта.

– Я люблю тебя, мой друг, – утерев проступившую слезу тонким пальцем, сказал Мишель.

– И это вполне взаимно, – буркнул Гагарин, но, кажется, уже не сердясь так сильно, как прежде.

Петр Алексеевич украдкой посмотрел на Лермонтова, который снова взял со стола колоду карт и теперь сосредоточенно ее перемешивал. Монго не врал, когда говорил, что Михаила Юрьевича тяжело описать словами. Поначалу, еще до знакомства, смотря на Лермонтова со стороны, Уваров счел его пренеприятнейшим типом. Та же ситуация с Лопухиным и Сушковой не шла из головы. Однако стоило затеять беседу, и впечатление магическим образом переменялось: несмотря на шпильки в адрес друзей, общую насмешливость и несказанную дерзость, Михаила Юрьевича хотелось слушать, с ним хотелось говорить. Он совершенно точно был умен и, судя по всему, видел и знал намного больше, чем другие.

«Хотя... может, он просто умело делает вид? Пока не понять...»

Придвинувшись к столу, Уваров протянул руки к картам, которые ему сдал Лермонтов. Едва взглянув на них, Петр Алексеевич снова подумал о магии.

Так плохо ему в жизни не сдавали.

* * *

2018

Признаться, довольно неожиданно, проехав мимо супермолла «ИКЕА» и уйдя налево на развилке «Аэропорт Шереметьево – Свалка» в городе Химки, через несколько километров оказаться в настоящем историческом заповеднике Усадьба Середниково. И не для прогулки, а для встречи с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, потомком великого русского поэта, чтобы поговорить о шотландских корнях знаменитого дворянского рода.

Еще пару месяцев назад, в апреле, вероятность такого визита – как, собственно, и моего грядущего мотопутешествия в Шотландию – стремилась к нулю, однако теперь обстоятельства сложились иначе. Всему виной его величество случай...

Но обо всем по порядку.

Эта история началось с вопроса моего старого друга Вадима Чижика по прозвищу Чиж: – В Шотландию поедем?

Подобное предложение я слышал от него уйму раз, и в последний – снова ему отказал: на осень мы с моими друзьями-компаньонами по мотопутешествиям Ребе и Ламой уже запланировали поездку в Тибет. Чиж мой ответ, конечно же, разочаровал, но переубеждать меня он не стал, и на том вопрос о совместной поездке был временно заморожен.

Как выяснилось – ненадолго: китайские власти в итоге не пожелали согласовать мой маршрут, и планы по тибетской экспедиции утратили смысл. Тогда я вспомнил о предложении Чиж, с охотой зарылся в материалы по Шотландии и вскоре нашел ту тему, ради которой готов был оседлать мотоцикл и впервые отправиться в страну гор и вольноков.

– И как ты на Лермонтова вышел? – хмыкнул Вадим, с интересом осматриваясь по сторонам.

Был он высокий, сильный, круглолицый, с добрыми серыми глазами и кучерявыми седыми волосами, спадающими на мощные плечи. В своей любимой широкополой шляпе из бежевой кожи Вадим напоминал прожженного ковбоя.

– Ты же слышал про «правило шести рукопожатий»? – спросил я, покосившись в сторону Чиж.

– Конечно, слышал. А что это? – усмехнулся Вадим.

– Считается, что каждый человек знаком с другим через шесть рукопожатий. А в нашем с Михаилом Юрьевичем случае хватило и вовсе двух – нашелся общий знакомый.

– Кто же?

- Руслан Макаров.
- Не помню такого.
- Вы не знакомы. Но это и не важно, в принципе. Главное, что мы здесь.
- Ну, это да, – неуверенно протянул Вадим.

Разочарование его, в общем-то, было вполне понятно: изначально он планировал колесить по Шотландии на любимом «Харлей-Дэвидсон Спортстер» 2005 года выпуска, гулять по «кабачкам» (как Вадим с теплом именовал пабы) и вообще развлекаться любыми доступными способами. Я же сразу поставил два условия: первое – маршрут будет составлен мной; второе – в ходе путешествия мы снимаем фильм, в котором Вадиму тоже будет отведена роль, требующая определенных физических и моральных усилий. Чиж согласился без раздумий – видимо, так велико было его желание заполучить меня в качестве попутчика. Впрочем, оно и немудрено: Вадим давно лелеял мечту совершить мотопробег по Шотландии, но прекрасно понимал, что человеку, который прежде на мотоцикле выбирался максимум в Подмосковье, ехать одному тревожно и непредсказуемо. Я казался Чижу идеальным напарником... вероятно, ровно до того момента, пока не поделился с ним своим финальным планом. Конечно, Вадим не стал возмущаться – к его чести, он всегда держал данные обещания, каких бы усилий ему это ни стоило – однако я видел, что тема Лермонтова навевает на него скуку.

«Жаль... но, может, втянется?»

Подойдя к воротам усадьбы, мы увидели Михаила Юрьевича. Сложив руки за спиной, он неторопливо прогуливался по крытой аллее, вымощенной бледно-серой плиткой. Вид у Лермонтова был задумчивый, и я невольно представил, как его легендарный предок вот так же выхаживает здесь, размышляя над строками очередного сонета или мадригала.

То ли заслышав наши шаги, то ли случайно, Михаил Юрьевич обернулся. Улыбка тронула его лицо, украшенное седой бородой и усами, хотя карие глаза смотрели устало; на шее Лермонтова был повязан платок, красный в черную клетку. Приветственно помахав нам, Михаил Юрьевич устремился к воротам, чтобы впустить нас на территорию усадьбы.

– Он в этом платке всегда ходит, да? – прищурившись, тихо спросил Вадим. – Я в интернете видел, почти на всех фото либо в нем, либо в шарфе. Это у него вроде талисманов каких-то, да?

– Я же тебе уже говорил, – с легким укором произнес я. – Эти узоры повторяют тартан шотландских Лермонтов.

- А тартан это...
- Орнамент на шотландской ткани.
- А, точно. Как-то вылетело из головы, Макс.
- Да ладно, бывает.

Охранник, которого Лермонтов вызвал из сторожки, открыл калитку.

– Здравствуй, Михаил Юрьевич, – сказал я, протягивая хозяину руку. – Приятно познакомиться.

– Взаимно, господа, – крепко ее пожав, чинно ответил Лермонтов. – Рад, что наконец встретились, а то все дела, дела...

– К сожалению, дела и сегодня не оставляют, – со вздохом сказал я. – Буквально через пару часов нас ждут обратно в город...

– Жаль, но что поделать? – с пониманием сказал Лермонтов. – Сам верчусь, как белка в колесе... Ладно, не будем терять времени даром: пойдемте в дом, за чашкой чая обсудим те вопросы, о которых по телефону говорили...

С этими словами он быстрым шагом пошел к дверям усадьбы, прячущимся в тени балкона. Мы с Чижом устремились следом, попутно оглядываясь по сторонам.

– Красиво тут, – заметил Вадим, кивая на круглую ухоженную клумбу, усыпанную синими незабудками и желтыми ирисами.

Я кивнул, соглашаясь: снаружи все буквально дышало жизнью.

Хозяин усадьбы распахнул перед нами ореховые двери, и мы, переступив через порог, оказались в просторной прихожей. Зеленые стены украшали портреты Лермонтова; под ними, на полметра ниже и до самого паркетного пола, шли панели из лакированного дерева.

– Направо, – сказал Михаил Юрьевич.

Дубовый зал ощутимо отличался от гостиной: розовые стены вместо зеленых, пейзажи вместо портретов. По углам находились камины, над которыми нависали большие арочные зеркала. В самом центре зала на шести мощных ногах стоял круглый стол; на нем ждали своего часа чайник с тремя чашками, лежали несколько пухлых книг. Над столом, под самым потолком, висела сияющая, словно сделанная из круглых льдинок, люстра. Вдоль стен безмолвными стражами выстроились обитые кожей стулья.

– Присаживайтесь, – сказал Лермонтов.

Мы придвинули стулья и расположились за столом.

– Прохладно тут у вас... – сказал я, зябко поежившись.

– Сквозняки, – чуть виновато улыбнулся Лермонтов, наливая всем чаю. – Мы, конечно, стараемся поддерживать тут все в порядке, но эту напасть так и не победили, да-с...

Я кивнул и придвинул чашку. Ее тепло приятно грело ладони.

«Интересно, а каково тут зимой, если даже летом так холодно?»

– Вот, кстати, та самая уникальная работа историка, Татьяны Молчановой, про наш древний род, представителем которого она тоже является, – сказал Михаил Юрьевич, кивком указав на книги, лежащие перед нами. – Верхний том.

– Вы позволите?

– Да, конечно. Это как раз вам в подарок, как и обещал.

– Большое спасибо...

На обложке увесистого тома, в толстой прямоугольной рамке, повторяющей узор тартана, золотыми буквами было написано имя автора и название – «Лермонтовы 1613—2013: российский род шотландского происхождения».

– 1613-й – это отправная точка для российского рода, – сказал я, – а вообще первое упоминание о Лермонтах – это, если не ошибаюсь, 1057-й?

– Да, все так. Тогда рыцарь по имени Лермонт сражался за Малькольма против Макбета и после триумфа был вознагражден дворянским титулом. В книге Татьяны, разумеется, про это тоже есть, но тут мы хотели все-таки больше про российскую эпоху Лермонтовых поговорить, отсюда и 1613-й.

– Понял. Что ж, еще раз спасибо за подарок, я вам тоже кое-что принес...

Спрятав книгу Молчановой в рюкзак, я достал из него свою – «Дервиши на мотоциклах. Каспийские кочевники», в которой описывалось мое недавнее путешествие по Азии вокруг Каспийского моря.

– Это для вас, Михаил Юрьевич, – сказал я, вручая ему мой дар.

– Благодарю, – кивнул хозяин усадьбы. – Прочту с интересом!

Положив мою книгу к остальным, он наморщил лоб и проговорил:

– Итак, что касается вашей поездки... Помню, в последнем письме вы удивлялись, почему поэму «1831 июня 11 дня» до сих пор не переводили на английский. Ответа однозначного у меня, признаться, нет, но, предполагаю, дело тут в русской... *сакральности*: в этой поэме, что ни фраза, то откровение по поводу генетического кода русского человека. В отличие от того же «Желания», которое переводили куда охотней – потому что это манифест, мечта о шотландских берегах, желание пожить той жизнью. И вот эти вот душевные метания Лермонтова, попытки понять, кто ты есть на самом деле и там ли ты находишься, именно они в итоге очень сильно отразились на Середникове, которое стало таким «местом силы», впитав в себя эмоции юного поэта...

Я медленно кивнул. Возможно, Михаил Юрьевич был прав насчет Середниково, каким оно было прежде, но сейчас, по ощущениям, из подлинного «места силы» усадьба превратилась в развлекательный центр, аккуратную коробку с красивым фасадом и историей, но совершенно пустую внутри: чтобы содержать усадьбу, Лермонтову приходилось сдавать ее в аренду, кому попало; ни о какой государственной поддержке речи, конечно же, не шло.

«Наверное, это главная причина, – подумал я. – Нет творца, способного принять энергию извне – нет и самой энергии, нет симбиоза между человеком и местом...»

Чиж, видимо, заскучав, поднялся и стал неторопливо прогуливаться по комнате, рассматривая висящие на стенах картины.

– А кто, по-вашему, мог бы помочь с переводом «1831 июня 11 дня»? – искоса посмотрев на друга, спросил я. – Потому что отказываться от этой идеи мне не хочется.

– Томас Биввит, – после короткой паузы ответил Лермонтов. – Да, определенно, если кто-то и сможет перевести эту поэму, то только Биввит! Он очень правильно стихи Михаила Юрьевича понимает. Перевод «Желания» – это ведь тоже его работа.

– Да, безусловно, отличный перевод. Поможете с ним связаться?

– Да, думаю, да. Есть такая Маша Королева, она тоже из рода Лермонтовых, знаток древнего гэльского языка и, одновременно, хорошая знакомая Томаса – они переписываются... Ну и, кроме того, она прекрасно знает Шотландию и потому может вам помочь каким-то советами по поводу вашего путешествия. Я вам сброшу ее контакты.

– Буду благодарен.

– О, вот и «парус одинокий белеет»! – вдруг воскликнул Чиж.

Мы с Лермонтовым обернулись к Вадиму. Он стоял у одной из картин, изображающей море, прибрежный город и одинокий парусник, уплывающий прочь.

– К нему ведь иллюстрация?

– Ну... если учесть, что стих Михаил Юрьевич написал на два года позже, чем эту картину – в 1832-м, – с улыбкой ответил хозяин усадьбы.

– «Морской вид с парусной лодкой», если не ошибаюсь? – припомнил я название полотна.

– Он самый. Точней, конечно же, репродукция.

– Надо же... – пробормотал Вадим. – А так глянешь – ну чисто «Парус»! Так себе его и представлял всегда: кораблик... один... вдали от берега... и явно будет шторм... Как будто в буре есть покой...

Я украдкой улыбнулся: «Парус» был одним из немногих произведений Лермонтова, которые Чиж помнил и любил еще со школы.

– Если интересно, могу показать вам другую любопытную картину Михаила Юрьевича, она в кабинете Столыпина висит, – предложил хозяин усадьбы. – Хотите?

– Да, конечно, – кивнул я.

Лермонтов расплылся в улыбке и, поднявшись со стула, первым устремился к выходу из дубового зала. Мы с Чижом последовали за ним.

– Столыпина? – поравнявшись со мной, тихо переспросил Вадим.

– Это их усадьба, Столыпиных. Бабушка Лермонтова была Столыпиной, поэтому и возила Михаила Юрьевича сюда.

– А, точно... Вылетело из головы, Макс.

– Порядок.

– Только сейчас вспомнил, что хотел вам сказать, – произнес Лермонтов.

Не дойдя двух шагов до порога, он стоял у полотна с изображением фамильного герба Лермонтов: на золотом поле щита располагалось черное стропило с тремя золотыми четырехугольниками на нем и черным цветком – под ним; щит венчал дворянский шлем с дворянской короной, а в самом низу на латыни был написан девиз.

– «Судьба моя – Иисус», – перевел я Чижу.

– Вам обязательно надо посетить ратушу Сент-Эндрюса, где хранится наш родовой герб, – сказал Михаил Юрьевич. – Там стоит побывать только ради герба. Хотя, безусловно, и других достопримечательностей хватает...

– Отлично, – кивнул я, делая пометку в телефоне. – Спасибо за совет.

Лермонтов с рассеянным видом кивнул и вышел в коридор.

Кабинет Столыпина оказался светлой комнатой с высоким белым потолком и пятью углами. Возле диагональной стены на металлическом мольберте, явно современном, располагались репродукции картин, заключенные в одну длинную раму. Над этой компиляцией располагалась еще одна работа, отделенная от других: на полотне был изображен бородатый мужчина с большими черными глазами, рассеянно смотрящий перед собой, и черной шевелюрой волос, зачесанных назад. Наряд – жабо, меховой плащ, массивная цепь на шее – выдавал в незнакомце представителя знатного рода.

– Это же «Герцог Лерма»? – догадался я.

– Именно так, – подтвердил Лермонтов. – Первая работа Михаила Юрьевича, выполненная маслом. Он ее нарисовал для своего университетского друга, Алексея Александровича Лопухина – почти сразу после того, как узнал о своих древних корнях, в 1832-м. Это в восемнадцать лет, представляете? Именно тогда Михаил Юрьевич начал заново обретать себя, примерно в то же время и «Желание» написано, которое мы с вами уже вспоминали... Кстати, интересно, что он, когда документы получил из Чухломы и потом у Вальтера Скотта прочел про свой род, стал везде себя писать, как Лермонтов, через «о». А вот в официальных документах, даже в расследовании после смертельной дуэли, его всегда писали через «а».

– Действительно, любопытно... – сказал я, рассматривая картину.

– А я в Интернете видел, у вас здесь где-то еще бюст Лермонтова был, бронзовый, – вставил Чиж. – Есть же такой?

– Да, конечно, – с улыбкой кивнул Лермонтов. – Это наверху. Пойдемте.

В последний раз взглянув на картину «Герцог Лерма», мы покинули кабинет Столыпина и, поднявшись по лестнице с резными столбами, оказались на втором этаже. Здесь оказалось еще холоднее, чем на первом.

«Такое ощущение, что вся накопленная сила утекла отсюда через те же самые щели, откуда теперь сквозит!...»

– А вот и розовая гостиная, которой в свое время владела досточтимая Вера Ивановна Фирсанова, – с гордостью сообщил хозяин усадьбы. – И бронзовый бюст, о котором вы вспомнили, тоже заказала она, поскольку бесконечно любила стихи Михаила Юрьевича.

В ответ на вопросительный взгляд Чижа я негромко пояснил:

– Фирсанова – последняя хозяйка Середникова. Богатая домовладелица, после революции эмигрировала в Париж, где и умерла.

– Все так, – подтвердил Лермонтов с грустью. – Увы и ах, с дворянством большевики не церемонились...

Кроме упомянутого бюста – «довольно своеобразного», как его сходу окрестил Чиж – в этой гостиной были стулья с бежевой обивкой, розовые, в тон стенам, шторы и картины, одна из которых привлекла мое внимание.

– А это что за работа? – спросил Чиж, проследив мой взгляд. – Тоже Михаила Юрьевича?

– Нет-нет... – покачал головой хозяин усадьбы. – Это с конкурса... он, кстати, на Кавказе проводился... Рисунки по мотивам Лермонтова. Детские. И, знаете, больше половины демона рисуют. У этого, например, как видите, в груди расцветают цветы...

– Врубелем навеяно? – предположил я.

– Не думаю, – покачал головой Лермонтов. – Врубель, он... он был как раз поражен некой всемерностью демонических способностей, и это почему-то и к Лермонтову относится. Но все же это не совсем то... Вот дети гораздо ближе к сути, потому что Лермонтов заставляет их

демона полюбить. Это невероятное событие, которое в контексте религиозных текстов до сих пор не имеет аналогов никаких. То есть Лермонтов, получается, единственный, кто дает демону ощущение любви... Вообще Михаил Юрьевич – он был такой творец... ну, или сотворец этого мира, по-настоящему. В том смысле, что есть люди, которые просто самым наблюдением за этой жизнью, не вмешиваясь в нее, изменяют порядок вещей. То есть как бы не от мира сего и, одновременно, неотъемлемая его часть...

Чиж недоуменно выгнул бровь, и даже я не нашел, что ответить на этот сумбурный спич Михаила Юрьевич.

К счастью, нас выручил чей-то телефон, вовремя разразившийся звонком.

– Прошу прощения, – пробормотал Лермонтов, вытаскивая мобильник из нагрудного кармана. – Надо ответить...

Поднеся трубку к уху, он отвернулся и сказал:

– Да-да! Здравствуйте! Удобно!

Продолжая говорить, Лермонтов отошел в сторону, и Чиж, дождавшись этого, тихо напомнил:

– Пора, Макс. Уже три.

– Серьезно? – Я украдкой посмотрел на часы. – И правда... ну ладно, сейчас договорит, попрощаемся и поедem...

– А бюст и вправду своеобразный, – сказал Вадим, рассматривая реликвию Фирсановой. – Лермонтову же двадцать шесть было, когда он погиб?

– Ну да.

– А тут ему на вид лет сорок.

– Ну... не двадцать шесть точно, – кивнул я, присмотревшись к бюсту.

– Все, ждем! Ждем! – заверил незримого собеседника Лермонтов и, убрав телефон обратно в карман, повернулся к нам:

– Еще раз извините. Звонили по поводу сегодняшнего мероприятия, надо было кое-какие детали уточнить...

– Да и вы нас простите, – с виноватой улыбкой сказал я. – Пора нам ехать. Спасибо за интересную беседу. Жалко, что на бегу все, многое еще не проговорили, но, увы, дела не ждут.

– С пониманием... – чинно кивнул Лермонтов. – Сам мотаюсь, как белка в колесе. Пойдемте, провожу вас до ворот...

Снова попасть наружу и ощутить ласковое прикосновение теплого июньского солнца оказалось подлинным наслаждением. Нет, внутри усадьбы, безусловно, не бушевала ледяная буря, но контраст между настоящим миром и тем, что находился за дверями дома, был колоссальный.

– Вы же не против еще раз встретиться? – спросил я, пока охранник возился с замком калитки. – Ну, уже после путешествия?

– Отчего бы и нет? – пожал плечами Михаил Юрьевич. – Если у вас возникнет желание поделиться впечатлениями от поездки, буду только рад.

– Значит, договорились?

– Договорились, Максим.

Мы пожали друг другу руки, и охранник, наконец, совладав с замком, выпустил нас наружу. Лермонтов еще раз помахал нам напоследок и поспешил обратно в дом – видимо, готовиться к грядущему мероприятию.

– Ну как, проникся тематикой? – спросил я, когда мы с Чижом уже были на полпути к стоянке.

– Сложно сказать, – честно ответил Вадим. – С одной стороны, очень все это необычно – и Лермонтов сам, и стихи... картины...

– А с другой?

– А с другой, это все-таки не мое. По крайней мере, люблю я Шотландию не за это.

– А за что же? За кабачки, эль и виски?

– За них тоже, но больше всего – за природу. Она там чудо просто. Особенно, где Женя живет... Ну, да сам увидишь. Через месяцок.

Я кивнул. Женя была родной сестрой Вадима. Около двадцати лет назад она, талантливая художница, переехала в Шотландию да там и осталась, очарованная прелестями этой страны.

«Посмотрим, Михаил Юрьевич, куда вы так рвались да так никогда и не попали...» – оглянувшись на усадьбу, подумал я про себя.

Посещение Средниково вызвало у меня смешанные чувства. Довольно интересная беседа – и при этом сквозняки; вроде бы красота, но как будто призрачная, от которой хочется поскорей уйти и вернуться к яркому летнему солнцу... Не спасал даже горячий чай, который заботливо приготовил для нас нынешний хозяин усадьбы. Сложно представить, что прежде здесь творил один из лучших поэтов России – да притом настолько плодотворно, что его потомки до сих пор считают это настоящим «местом силы».

Хотя... то самое «Желание» не зря ведь начиналось со слов:

«Отворите мне темницу, дайте мне сиянье дня...»

* * *

1835

– Тебе надо почаще выбираться на балы и рауты, мон шер, – с улыбкой сказал Монго. – Ты чрезвычайно многое пропускаешь.

– Что же, например? – спросил Уваров.

Они стояли в бальной зале, однако сегодня здесь играла совсем другая музыка – плавная и неторопливая, располагающая к беседе. И гости вели себя подобающе: пили шампанское, курили сигары, шумно обсуждали новости финансовые и иные. Некоторые играли – в карты, шахматы, шашки. Сегодня в доме Никифоровых был светский раут, и только под этим предлогом Монго удалось вытащить нелюдимого Петра Алексеевича из его тихого жилья на Садовой улице, где Уваров обыкновенно коротал вечера за книгой. Теперь они сидели на диване и наблюдали за тем, как хозяйский сын Борис Романович мучит рояль. Борису Романовичу недавно исполнилось двадцать два, но он, к сожалению, все еще не понял, что музицирование не входит в список его талантов. Впрочем, к этому заблуждению Никифорова уже все привыкли, а кого-то его упорство даже умиляло – к примеру, бабушку, Тамару Григорьевну, которая, зажмурившись, с трогательной улыбкой внимала стараниям внука.

– Не хочу быть сплетником и не буду, – морщась, ответил Столыпин. – Сам все увидишь, если все соберутся.

– А Лермонтов приедет?

– Куда же без него... – загадочно улыбнулся Монго.

– Один? Или с компанией? – припомнив прошлогоднее знакомство, спросил Уваров.

– Той компании, что у него была, уже при нем нет... – сознался Столыпин.

– То есть... – начал было Петр Алексеевич, когда сзади послышался мягкий женский голос:

– Здравствуйте, Алексей.

Друзья разом обернулись. За диваном стояла дама лет тридцати двух-тридцати трех. Была она довольно хороша собой: правильные черты лица, кудрявые пшеничные волосы, спадающие на узкие плечи, и кожа, белая, точно фарфор... Однако более всего Уварова впечат-

лили темно-карие глаза незнакомки – они смотрели пристально, с интересом, немного вызывающе.

– Здравствуйте, Мария, – с теплом произнес Столыпин. – Кажется, мой вечер стал не так уж плох, раз мы с вами встретились.

– Ну, если вы измеряете успешность вечера в наших встречах, то – да, наверное, это так, – сказала Мария.

Она говорила с напускной серьезностью, но глаза ее смеялись. Миг – и взгляд переметнулся на Уварова. Ему тут же показалось, что смотрят не просто на него, а на его душу – через глаза.

– Представите вашего спутника? – попросила дама.

– Петр Алексеевич Уваров, – сказал Монго, мотнув головой в сторону товарища. – Мой старый знакомец, еще с детства. А это, Петр Алексеевич, Мария Ивановна Лопухина...

Уваров было улыбнулся, но, услышав фамилию красавицы, застыл. Ему тут же вспомнился несчастный жених Сушковой, которая втайне вздыхала по дерзкому и насмешливому Лермонтову.

«Неужто Мария Ивановна – сестра Алексея?..»

Внешне они, казалось, были совершенно не похожи, но фамилия и отчество говорили о многом – вряд ли в Санкт-Петербурге было так много Лопухиных, знакомых с Монго Столыпиным.

«Впрочем, всякое бывает. Пока же нельзя показывать, что я удивлен или излишне сосредоточен...»

– Вы напряглись, – словно в усмешку заметила Лопухина. – Отчего же?

– Просто... сражен вашей красотой, Мария Ивановна, – сглотнув подступивший к горлу ком, ответил Уваров.

Иронично, но он даже не сильно кривил душой: Лопухина действительно произвела на него самое благостное впечатление. Когда же ее пухлые губы тронула легкая улыбка, все внутри у Петра Алексеевича расцвело и запело. Казалось, Мария Ивановна светится, точно солнце – возможно, виной тому были ее волосы или кожа.

– Это вы у Алексея научились, так изящно льстить? – спросила Лопухина, глядя то на Монго, то на Уварова. – Или от природы наделены этим своеобразным даром?

– Дар Петра Алексеевича – всегда говорить правду, – сказал Столыпин. – Что он в очередной раз подтвердил.

– Да будет вам! – отмахнулась Мария. – Льстецы, один другого хуже...

– Или лучше? – наигранно изобразил удивление Монго.

Лопухина надула губы и явно хотела сказать что-то еще, но вдруг замерла, словно громом пораженная. Проследив, куда она смотрит, Петр Алексеевич увидел Сушкову. Катенька вертела в руках высокий бокал и мило беседовала о чем-то с двумя девушками примерно своих лет; обе были Уварову незнакомы. Почувствовав на себе посторонние взоры, Сушкова скосила глаза в сторону дивана и скривилась, увидав Лопухину. Дуэль взглядов не продлилась сколько долго; потупившись, Катенька что-то быстро сказала подругам, и они втроем, лавируя между другими гостями, очень скоро растворились в пестрой толпе.

Едва Сушкова исчезла, Уваров снова посмотрел на Марию. Ее взор напугал Петра Алексеевича; солнце может светить ласково, а может испепелять, и вот сейчас, как показалось, Лопухина готова была сжечь усадьбу Никифоровых вместе с треклятым роялем, на котором продолжал играть неумелый хозяйский сын, лишь бы добраться до сбежавшей Катеньки.

«Похоже, у них случился раздор. Интересно, это из-за Лермонтова? И на него она тоже зла? Но почему тогда так любезна с Монго, одним из лучших его друзей?»

В этот момент толпа извергла из себя слегка растрепанного поэта. Уваров, слегка удивленный столь неожиданным появлением, уставился на Лермонтова. Одетый в красный виц-

мундир корнета, Мишель неторопливо побрел к ним, и извечная полуулыбка не сошла с его лица даже при виде Марии. Уваров скользнул взглядом по Лопухиной; та при виде Лермонтова, кажется, даже немного смягчилась, чем окончательно запутала Петра Алексеевича.

«А, что гадать... Вот он, уже идет, сейчас все само собой станет ясно...»

– Ну до чего отрадно видеть за раз так много близких лиц! – воскликнул Мишель, не дойдя до дивана двух шагов.

– Начало нового стиха? – едко осведомилась Мария.

– Возможно. Хотя пока – всего лишь экспромт, – ответил Лермонтов, пожимая руки поднявшимся Монго и Уварову. – Вы, погляжу, тут одна, Мари? А где же ваш брат?

Петр Алексеевич нахмурился. Задать подобный вопрос сестре друга, за невестой которого ты тайно ухлестываешь? Михаил, безусловно, любил подтрунивать над другими, но всему же есть предел!

Однако Мария невозмутимо пожала плечами и без тени раздражения ответила:

– Не знаю. Я ведь не страж ему, Мишель.

– А могли бы быть – учитывая, насколько вы, по мне, мудрей Алеши, – усмехнулся корнет.

Щеки Лопухиной тронул легкий румянец.

– Позвольте вас на разговор наедине? – сказала она Лермонтову.

– Конечно же, Мари, – с теплой улыбкой ответил тот.

– Что происходит тут, Монго? – спросил Уваров, провожая Лермонтова и Лопухину хмурым взором. – Это то, о чем ты меня предупреждал?

– То самое, конечно, – ответил Столыпин.

Он не казался напряженным – скорей, немного усталым.

– Поскольку теперь я знаком с каждым участником этого... представления. – Уваров повернулся к другу. – Позволь все же узнать подробности? Чтобы, элементарно, хотя бы понимать, как мне надлежит себя вести с той же Марией, с тем же Мишелем? Мне, сам понимаешь, подробности не интересны...

– Ну что ж, имеешь право, – пожевав губу, сказал Монго. – Но только не здесь.

Петр Алексеевич медленно кивнул. Он и сам уже давно почувствовал, как окружающие нет-нет да и посмотрят в их сторону с любопытством.

«Слишком много лишних глаз, слишком много лишних ушей...»

– Может, пойдем на балкон? – предложил Столыпин.

– Пойдем.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и прошли мимо трех шумных компаний, раскланиваясь с большинством встреченных дам и господ. Уваров, конечно же, никого не знал, Монго знал почти всех и даже успевал представить гостей другу, но тот, к сожалению или к счастью, не успевал запоминать имена: подобные шумные вечера и без того тяготили Петра Алексеевича, и от обилия новых лиц кружилась голова.

Глоток свежего воздуха подействовал, точно волшебное снадобье: не сразу, но очень быстро мысли начали проясняться. Благо, было еще только начало апреля, и народ всячески избегал вечерней прохлады: когда Уваров и Столыпин попали туда, там находилось человек пять, и стояли они поодаль от входа.

«А зря, – подступая к перилам и опираясь на них руками, подумал Петр Алексеевич. – Разве лучше сидеть взаперти, невольно слушая обрывки десятков разговоров, в подобном, разобранном, виде лишенных всякого смысла?»

– Хорошо тут, – вдруг сказал Столыпин. – Тихо... свежо...

Уваров удивленно посмотрел на друга: слышать подобное от Монго, души компании, человека, способного в один вечер посетить бал, раут и театральное представление, было

необычно. Казалось, Столыпин без компании вянет, точно цветок без солнечного света. Однако же сейчас Монго казался вполне искренним.

«Возможно, он просто устал от этого бесконечного веселья? Если все время громко, хочется порой и тишины... верно и обратное: будь мне вечер в усадьбе Никифоровых настолько противен, разве согласился бы я сюда приехать?»

Монго повернул голову, окинул рассеянным взглядом компанию, курившую в сторонке и, снова обратившись к Уварову, сказал:

– Ты, верно, уже понял, что Мария сестра Алексею Лопухину, невестой которому была Сушкова?

– Была?

– Была, – кивнул Монго. – Мишель так все обставил, что у бедного Алеши не было ни единого шанса простить Катеньку. Ах, как же, наверное, злилась ее тетка, получив то письмо в начале января...

– От Лермонтова?

– Он не сознался в этом, но автор очевиден, – хмыкнул Столыпин. – Едва Лопухин уехал в Москву, как тут же Катеньке пришло письмо за авторством некоего «Друга N. N.», в котором он предостерегал ее от связи с Лопухиным. Сказал, что Алеша воспользуется ей и тут же бросит, что он властолюбив и на самом деле не хочет стеснять себя узами брака.

– А она что? – чуть хрипло спросил Петр Алексеевич.

Внутри него начинал klokотать гнев. Как можно столь подло поступать с университетским другом? Не просто охмурить его невесту, но расстроить помолвку? И после еще издевательски писать всякие подлости про жениха...

– А она, разумеется, сразу же узнала его почерк и обо всем поведала тетке. С тех пор Мишеля в доме у Сушковых не принимают.

– А Лопухин? Как он все это принял?

– Был разговор, – шумно выдохнув, сказал Монго. – Долгий... тяжелый... но после него, кажется, Алеша простил нашего неугомонного корнета...

Брови Петра Алексеевича взлетели на лоб. Поверить в услышанное было дьявольски сложно. Да за куда меньшее люди стреляются на дуэли, а тут – подлинная измена, закулисные интриги, вдобавок очернение старого товарища, который полностью тебе доверял!..

– Вижу, ты удивлен, – сказал Столыпин. – Что ж, таков Мишель. Не знаю, честно сказать, каких мотивов он придерживался на самом деле... но Алеше он объяснил, что Сушкову знал с детства, как вертихвостку и кокетку с ледяным сердцем. Лопухин же влюбился, и Мишель, видя это, понял, что говорить с ним бесполезно – все равно бы не прислушался, ослепленный страстью. На деле же получалось, что наш корнет спас Алешу от брака, способного причинить ему лишь боль. И то, как легко Катенька поддалась на чары юного гусара, коего прежде не замечала, говорит о ее ветреном легкомыслии. В общем, по всему получалось, что, уводя невесту друга, Мишель оказал ему большую услугу.

Петру Алексеевичу потребовалось несколько долгих секунд, чтобы переварить услышанное. Затем он медленно спросил:

– Ты сам-то в это веришь, Монго?

– Сложно сказать, – подумав, ответил Столыпин. – С одной стороны, выглядит все это неприятно. С другой, я знаю Мишеля с юных лет, и никогда прежде он мной не был замечен в откровенных подлостях. Возможно, началось все, как шутка, потом, когда Катенька ответила взаимностью на ухаживания Лермонтова, он решил ее проучить... Такое развитие событий мне кажется вполне вероятным.

– То есть Сушкова ему изначально была неинтересна?

– Конечно! Он затаил на нее обиду с детства, когда писал ей стихи и письма, а она лишь насмехалась над ним. Поверить в то, что позже Мишель ее полюбил, мне трудно, прости уж.

Они замолчали. Слышно было, как щебечут птицы и как воет вдали ветер, раскачивая кроны деревьев. После истории с Сушковой Уваров испытывал к Мишелю некоторую неприязнь, но слова Монго, само его спокойствие вновь вызывали у Петра Алексеевича сомнения.

«Может ли быть этот корнет, этот Лермонтов человеком таким сложным, что мы просто не в силах до конца понять тех или иных его эмоций? – размышлял Уваров, глядя на компанию, стоящую чуть в стороне. – Кажется, что это все оправдания... но разве может подлец писать такие стихи, которые пишет Лермонтов? Разве можно столь хорошо понимать человеческую душу и столь... беззастенчиво по ней топтаться?»

Единственное, что было ясно, как день – личности, более противоречивой, Уварову встречать не доводилось. В поэте причудливым образом соседствовали добродетель и язвительность, мудрость человека пожившего и насмешливость юнца.

«Возможно, это всего лишь маски, за которыми он прячет себя от мира? Или он невольно подражает худшим проявлениям общества... или подражает нарочно, высмеивая его?»

Что-то подсказывало Уварову, что ответить на эти вопросы может только дальнейшее общение с Мишелем – сложное, порой неприятное, но, судя по их первой встрече, весьма необычное и интересное – Петр Алексеевич осторожно спросил у Монго:

– Что же Мария?

– Она, как верно заметил Мишель, куда мудрей Лопухина – наверное, потому что старше. В любом случае она не держит на Лермонтова зла. Отчасти – потому что он действительно показал настоящее лицо Сушковой; отчасти – потому что давно уж научилась принимать его таким, какой он есть – со всеми этими странными выходками вперемешку с искрами настоящей гениальности и искренней добротой к близким, которую наш корнет прячет, точно сокровище, от посторонних глаз...

Монго снова посмотрел на Уварова, на сей раз – куда пристальней, чем прежде:

– Я ни в коем случае не советую тебе тоже принять его, поверив мне на слово. Тем более, вполне понимаю, как этот фортель с Катенькой выглядит со стороны... Просто, прежде чем отвергать Мишеля, советую как следует к нему присмотреться. Если ничего не увидишь – что ж, так тому и быть. Значит, просто не твой человек. Или ты не его... Не беда.

Смотря другу в глаза, Петр Алексеевич кивнул.

Он, конечно же, видел в Лермонтове что-то – иначе просто махнул бы на него рукой и даже не думал об интрижке с Сушковой.

Однако признаться в этом – даже самому себе – Уваров пока что готов не был.

Вернувшись в дом, друзья пробыли вместе совсем недолго: очень скоро Петр Алексеевич окончательно заскучал и уехал домой, где путанные мысли долго не давали ему уснуть.

* * *

2018

– А вон, похоже, и наш причал, – приложив руку ко лбу на манер козырька, сказал Чиж.

Последние тридцать минут паром шел по реке Тайн. Причалы располагались с обеих сторон на расстоянии полутора-двух километров друг от друга – видимо, чтобы не устраивать «сутолоку». Яркое светило солнце; с берега доносились громкие, но неразборчивые крики и рев десятков моторов уезжающих прочь автомобилей. Когда наш паром проплывал мимо других судов, их пассажиры улыбались и махали нам, и мы отвечали им тем же.

Ньюкасл для нашего путешествия был еще одним перевалочным пунктом перед настоящим путешествием. По моему плану, мы должны были выгрузиться здесь и двести километров до Эдинбурга преодолеть по суше, на «Харлеях», после чего я собирался пересечь на «Триумф Бонневиль» и дальше ехать уже на нем. Эта идея пришла мне в голову, едва я начал раз-

мышлять о грядущем путешествии. «Триумф» для англичан, как для американцев «Харлей» – классика, проверенная временем, нерушимый знак качества. «Правило рукопожатий» пришло мне на помощь и здесь: я написал письмо Роману Гречухину, моему давнему товарищу, который успешно торговал мотоциклами обоих брендов в далеком Новосибирске. Моя задумка – совершить путешествие по шотландским местам Лермонтов на «Бонневиле» – ему очень понравилась, и вскоре он прислал мне контакты некоего Глена, менеджера по региональным продажам завода «Триумф», сразу предупредив, что быстро мне не ответят. Дабы не терять времени даром, я сразу сел за письмо. Вышло оно большим: хотелось сразу продемонстрировать серьезный настрой. Приложив подробный план поездки и заметки, связанные с предыдущими моими мотопробегами, я отправил письмо на адрес Глена... и, к своему удивлению, уже через два часа получил ответ: в указанные даты Вас будет ждать «Бонневиль Т-120», звоните Скотту, это наш официальный дилер в Эдинбурге, вот его телефон. Не веря своим глазам, я прочел текст еще раз, после чего набрал Роману и напрямую спросил, как ему удалось так расположить ко мне руководителей «Триумфа».

– Просто рассказал им о твоих путешествиях, – был ответ. – Они оценили.

Вот так через одно рукопожатие я получил шанс прокатиться по Шотландии на легендарном «Триумфе».

«Лишь бы форс-мажоров не случилось...»

К счастью, пока все шло своим чередом: билеты на паром мы купили заранее, еще в мае, визы получили ближе к концу июня, тогда же и виделись в последний раз – на нашем суздальском блюз-байк фестивале Total Flame, куда отправились через день после визита в Середниково. И вот, спустя месяц с небольшим, мы встретились снова – уже в Амстердаме, за сутки до отплытия. Мне повезло чуть больше, чем Вадиму: от столицы Нидерландов до Баден-Бадена, где обыкновенно «квартируется» мой «Харлей Стрит Глайд», было 600 километров, тогда как Чижу пришлось плестись 2500 километров на микроавтобусе из Москвы, деля салон только с любимым «Спорстером». Впрочем, эти мелкие нюансы никак не повлияли на наш настрой: встретившись, мы тут же отправились гулять по городу, который, без шуток, можно было исследовать вечно.

Я очень люблю Голландию, и души не чаю в Амстердаме. Для туриста здесь – настоящий рай: уличный арт, электронная музыка, гурманская еда... Олдскульные сигарные магазины тут соседствуют с совсем молодыми; современные фонари со светодиодными лампами по ночам освещают величественные здания викторианской эпохи. При этом, за исключением центральных, горячо любимых туристами, районов, Амстердам – город очень спокойный, живущий в собственном уникальном темпе. Моя мечта – пробыть здесь неделю-другую, работая над очередной книгой: запереться на лодке, пришвартованной на одном из многочисленных каналов, и стучать по клавишам, выбираясь в город только для того, чтобы пополнить запас продуктов, кофе и сигар.

«Когда-нибудь – обязательно...»

Паром отправлялся поздним вечером, и потому мы с Чижом неторопливо прогуливались по улицам Амстердама, время от времени заходя в местные кафешки, чтобы перекусить, дать ногам отдых и, разумеется, обсудить грядущее путешествие. Я предвкушал встречи с интересными людьми и живописные шотландские пейзажи; Вадим в основном нахваливал Эдинбург.

– Это, блин, почти Амстердам, – уверял он. – Только шотландский.

Чиж знал, чем меня купить.

Какие-то технические моменты тоже проговаривали, но так, между делом, если только случайно заходила речь – ну какой смысл в десятитысячный раз обсуждать одно и то же? Зато не обошлось без классической темы, давно набившей мне оскомину.

– А вот можешь мне сказать, друг-дервиш, – произнес Вадим, когда мы, пообедав в небольшом ресторанчике, проходили мимо музея мадам Тюссо, – какой он – настоящий байкер?

«Опять ты за свое, Чиж...»

Этим же вопросом, но в других вариациях, он донимал меня с того момента, как мы разжились билетами на паром. Я по возможности отмалчивался – не хотел ввязываться в долгое и бессмысленное обсуждение. На миг показалось, что сейчас мне уже не отвертеться, но тут на глаза попался указатель, и я, тихо хмыкнув, сказал:

– Настоящий байкер? Ну, пошли, посмотришь...

И первым устремился ко входу в квартал красных фонарей.

– А... на что смотреть-то, Макс? – осторожно спросил Вадим, глядя на светящиеся витрины и полуголых девушек, извивающихся за стеклом.

– Здесь неподалеку есть один старинный бар, – бросил я через плечо. – Принадлежит местному мотоклубу «Хеллс Энджелс». Вот уж где байкеры, настоящей некуда...

– О как, – только и сказал Вадим.

В баре «ангелов ада» мы провели не больше часа, но Чиж и этого хватило. Он с интересом взирал на хмурых бородачей, которые, дымя сигаретами, играли на бильярде, пили пиво и косо смотрели в нашу сторону.

– Клевый бар, Макс, – заключил Вадим, когда мы уже брели в обратном направлении. – Как в кино прямо!

– Угу...

Приметив вывеску публичного дома, я остановился рядом с прозрачной дверью, которая одновременно служила борделю витриной. Из-за стекла на нас игриво поглядывала обнаженная блондинка лет двадцати пяти.

– В чем дело? – спросил Чиж, недоуменно посмотрев сначала на меня, потом – на проститутку, которая всячески пыталась завлечь нас внутрь.

– Старик, – с чувством произнес я. – Пришла пора рассказать тебе об одной очень древней и важной традиции – перед долгим и опасным путешествием настоящий байкер должен купить себе любовь, чтобы дорога сложилась.

Вадим замер с открытым ртом. Такого поворота он явно не ожидал.

– Ты это сейчас... ты серьезно? – пробормотал Чиж наконец.

– Слушай, ну ты действительно думаешь, что после всего этого я буду шутить такими вещами? – деланно возмутился я.

– А это... если я... ну, не хочу? – облизав пересохшие губы, спросил Чиж. – Ну, в смысле... обязательно ли нам... обоим?... Ну, ты понял...

– А, то есть я должен отдуваться за двоих?!

– Ну... я не это имел в виду... – еще больше смутился Вадим.

– Понимаешь, это ведь не моя прихоть: хочешь или не хочешь, ты уже встал на дорогу дервиша, а потому должен следовать традициям. Тем более что ты сразу пообещал мне неукоснительно следовать маршруту, который я составляю. Помнишь ведь?

– Помню.

– Ну так вот это – обязательная часть маршрута.

Не знаю, как я тогда умудрился ни жестом, ни интонацией себя не выдать – наблюдать за душевными метаниями старого друга было чертовски уморительно.

– Давай еще немного погуляем, я подумаю, – после длинной паузы попросил Чиж.

Я пожал плечами и отвернулся. Следующие полчаса мы в полной тишине бродили по кварталу красных фонарей. С трудом представляю себе, как это выглядело со стороны: двое взрослых мужчин, один из которых – немного рассеян, а второй идет, мрачнее тучи, сторбленный и хмурый. Какие мысли возникли бы у случайного прохожего при виде нас двоих?

«Думаю, корнет Лермонтов, встретиться он нам сейчас, наверняка бы отпустил в наш адрес немало острот!..»

Наконец я не выдержал и елеинным голосом осведомился:

– А скажи, дорогой – ты ведь поэму «1831 июня 11 дня» прочел?

– Прочел. Ты ж говорил, что это обязательно, это какое-то там... сюжетообразующее произведение для фильма... да и для путешествия тоже... Правда, если честно, ничего оттуда не помню, хоть убей.

– Ну, это-то я понял, дорогой...

Я откашлялся и с чувством прочел:

*И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней...*

На несколько мгновений воцарилась тишина.

– Сука! – воскликнул Чиж с явным облегчением. – Купился! Вот же... блин...

Весь оставшийся вечер Вадим пытался объяснить мне, что этот дружеский розыгрыш мне удался только потому, что он, де, байкер неопытный и всех наших ритуалов попросту не знает.

– Но я бы на это ни за что не пошел, ты ж меня знаешь! – заверял Вадим.

– Нет-нет, конечно же, не пошел бы, – легко согласился я.

Ближе к вечеру мы отправились в порт и угодили в конец длиннющей очереди: август вообще пора отпусков, а тут еще и пограничники работали спустя рукава – словно нарочно припоминая англичанам за «Брексит». Стояла страшная жара; от соседства с пыхтящими фурами и легковушками было еще и душно, а потому я решил сбросить куртку и убрать ее в кофр. В итоге, пока возился с вещами, Чиж успел проскочить одним из первых... и пропасть. Я терпеливо дождался очереди, проследовал к одному из незаполненных трюмов, ожидая увидеть Вадима где-то в его окрестностях... но мой компаньон как в воду канул.

«Вот ведь торопыга... – подумал я – Не мог подождать... хотя, конечно, ничего удивительного – первый раз вместе едем...»

Заезжая на аппарель парома, я вдруг услышал, что мотор моего «Харлея» начал издавать жуткий звук, схожий с ревом пилорамы. Причем случилось это в тот момент, когда я переключал скорость. Ради интереса я отпустил сцепление, и лязг ушел.

«Чертовщина какая-то».

В трюм я спускался безо всякого постороннего шума, однако стоило мне достичь своего отсека и переключиться на нейтраль, и рев возобновился.

«Может, перегрелся, пока мы на жаре в очереди толкались? Ладно, до завтра постоит, остынет – попробуем. Главное, что на скорости едет тихо, значит, скорей всего, проблема со стартером...»

Оставив байк в трюме, я отправился к стойке ресепшена и, конечно же, сразу встретил там Чижа – вертя головой из стороны в сторону, он высматривал среди пассажиров меня.

– Вадик! – воскликнул я.

Чиж повернулся на голос, расплылся в улыбке и поспешил ко мне.

– Макс! Ты куда пропал? – выпалил он, едва мы сблизились.

– С байком возился. Ты ключ не брал?

– Брал. Мне его в будке перед паспортным контролем выдали. Я и твой взял, сказал, что с другом.

– А, так вот почему мне тетя голландская так улыбалась!.. Пойдем, бросим вещи...

Примерно через полчаса суэта сошла на нет, и паром наконец отчалил. Народ прохаживался по палубам с вальяжностью престарелых павлинов: дорога до Ньюкасла занимала около пятнадцати часов.

– Чем займемся? – зевнув, спросил Чиж.

– Давай в баре присядем, пройдемся по карте, – предложил я.

Файлы с координатами – дело хорошее, но карта дорог нагляднее и удобней, как ни крути. Правда, найти нормальную в России я так и не смог, поэтому купил только в Германии. Уже находясь в Баден-Бадене, я заботливо перенес на эту карту наш маршрут, отметив все важные места, и теперь горел желанием показать мой маленький географический «шедевр» Чижу. Вадик, разумеется, возражать не стал и мы, заказав по чашке кофе, уселись за угловой столик. Бар на пароме можно было бы назвать уютным – приглушенный свет, приятная обстановка – если бы не одно «но»: уйма туристов, которые попросту не знали, чем себя занять. Приди мы позже минут на десять, и свободных мест бы уже не нашлось.

– Смотри, дружище, – сказал я и развернул перед Чижом огромную карту, которая моментально накрыла стол.

Официант, принеший кофе, после недолгих раздумий поставил чашки на свободный стул.

– Зато тут каждую шотландскую тропинку видно, – добавил я, предвосхищая вопрос Чижа.

Проходя по маршруту, я – в который уж раз за последние месяцы – поднял вопрос о замке Фингаск. Дело в том, что идея посетить Фингаск принадлежала Жене, сестре Вадима, дружившей с хозяевами, и потому вопросом занимался лично Чиж. В итоге координаты мне он так и не прислал.

– Да не переживай ты, – махнул рукой Чиж. – Завтра все будет. Я Жене написал, она сказала, пришлет.

На том и порешили. Потом мы еще раз обсудили правила езды в группе. Чижу это было в диковинку, но, учитывая, что мы ехали вдвоем, задача казалась не слишком сложной.

– Вот, когда с Сахалина на бракованных «Уралах» ехали, там, да, однажды чуть не влетели, – припомнил я. – Ведущему колонны от усталости что-то примерещилось, он забыл, что едет не один, и так резко ударил по тормозам, что мы чуть не стали одним большим «Уралом» с четырьмя люльками и рулями!

– Страшное дело, – заметил Вадим.

– Поэтому важно помнить, что ты едешь не один. Всегда. Даже, когда впереди друга границу пересекаешь – помни, что надо его дожидаться... – усмехнулся я.

– А, это ты про меня уже? – улыбнулся Чиж.

– Ага. Мелочь, конечно, но для удобства давай договоримся по возможности не терять друг друга из виду, хорошо?

– Да какие дела, Макс? Я ж не спецом...

Тем временем бар начал стремительно пустеть: туристы оживились и потянулись к выходу. От Чижа это тоже не укрылось.

– Куда это они так ломанулись? – удивился он.

– Да черт его знает. На кораблекрушение не похоже – бармены спокойные, как удавы в шотландских лесах...

– Может, интересное что? Пойдем, глянем?

– А пойдем.

Залпом допив кофе, Вадим поднялся со стула и поспешил к дверям. Я чуть задержался – сворачивал карту и убирал ее обратно в рюкзак. Когда наконец вышел наружу, Чиж ждал меня там.

– Смотри, – сказал он, указывая пальцем на дьюти-фри, который находился неподалеку от бара. Прежде он пустовал, но теперь народ облепил его со всех сторон, словно булавки – мощный магнит.

– Откуда такой ажиотаж? – недоуменно пробормотал я.

Подойдя поближе, мы увидели на входе дородного парня в клетчатой рубашке и потрепанных голубых джинсах.

– Whiskey tasting! – на ломанном английском зычно восклицал он. – Free sets of three shots!

– О, дегустация виски! – обрадовался Чиж. – Пойдем, Макс?

И снова я не спорил: видя, как загорелись глаза моего друга, отдался на волю судьбы, хотя дегустировать ничего не собирался. Получив талоны от того же парня в клетчатом, мы прошли внутрь и отправились за халявным виски. Щедрость хозяев поражала: на пробу можно было выбрать любые сорта из доброй сотни наименований, поэтому выбор дался Чижу не просто. При этом сам сет из трех шотов оказался для Чижа легкой прогулкой, и потому, облизав губы, он обратился ко мне:

– Макс...

– Ау?

– Это... ты все равно ведь не пьешь, правильно? А мои талоны на выпивку закончились в тот момент, когда мне только начало... хорошеть.

– Сочувствую, – с притворной грустью сказал я.

– Вот ты!.. Отоварь свои талоны, пожалуйста. Я тебе скажу, чего для меня взять.

– Давай, говори, – усмехнулся я.

Чиж просиял и стал перечислять.

Нас, конечно же, раскусили – правда, к этому моменту Вадик допивал последний шот. Впрочем, никаких санкций не последовало – скорей, мои действия вызвали у хозяев дьюти-фри неподдельное удивление.

– Вы из России? – спросил продавец на чистом русском.

– Да, – кивнул я.

– Из России – и не пьете?

– Угу.

– На халяву?

– Так точно.

Пауза.

– А вы случайно не больны?

– Напротив, – с улыбкой ответил я. – Здоров как никогда.

– Тогда почему? – не унимался продавец.

– И так хорошо.

– Надо же... Я сам с Одессы, у нас почти весь экипаж оттуда. И русских с украинцами повидали будь здоров. Всяких-разных. Но вот чтоб русский от халявной выпивки отказывался... такого не помню. У нас тут шотландцы пьют, от мала до велика... водители, трезвенники, все! Бесплатно же... а вы – не пьете... Вы какой-то... неправильный русский!..

Я только улыбнулся в ответ и пожал плечами. Спорить с подобными типами – себе дороже. Для них даже наличие жизни на Марсе менее удивительный факт, чем непьющий русский.

«Впрочем, стереотип-то этот не на ровном месте возник, – подумал я, с грустью глядя на ряды бутылок, украшающие длинные полки. – Наверняка на одного меня приходится десять таких, как Чиж, и еще двадцать вообще без чувства меры... И вот последних тут, надо думать, встречают с распростертыми объятьями...»

Быстро потеряв ко мне интерес – ясно же, что ничего не куплю – одессит переключился на компанию из четверых мужиков, стоящих чуть поодаль. Они уже выпили халявные сеты и теперь громко обсуждали продегустированные сорта.

– Хорошо тут у них, – с чувством произнес Чиж. – Сразу видно – Европа...

Я только усмехнулся и спросил:

– Ну что, теперь-то твоя душенька довольна?

– Ну а то!

– Может, тогда покурим да спать?

– Ну, пошли... – нехотя сказал Вадим. – Завтра ехать много, лучше притормозить... А то еще эту... концентрацию утратим...

Мы направились к выходу, но далеко уйти нам не дали: поняв, что друг «неправильного русского» так ничего и не купил, одессит воскликнул:

– Господа! Спецпредложение, только для вас! Если возьмете любую бутылку виски прямо сейчас, я вам еще по сету из трех шотов сделаю, каждому!

Чиж обернулся так быстро, словно речь шла не о выпивке, а, как минимум, о судьбе целой галактики.

– А давайте мне бутылочку того, последнего! – весело воскликнул он и, потирая ладони, направился обратно к стойке. – Очень так хорошо пошло...

Понять, кто из них больше выиграл, Чиж или продавец, я так и не смог. Судя по довольному виду обоих, каждый счел последнее предложение безумно выгодным.

Час спустя мы все-таки покинули дьюти-фри и отправились на корму – покурить перед сном. Чиж пребывал в прекрасном настроении – зажав купленную бутылку шотландского виски подмышкой, он тихо насвистывал под нос. Я же наслаждался вечерней прохладой; море было спокойным, и лишь встречный ветер раскачивал флажки на мачтах нашего паромы, неустанно разрезающего ночную мглу.

– Слушай, а у Лермонтова про звезды было что-то? – задрал голову, спросил Чиж. – Помню, вроде было, а что – не помню...

– Такая же история... сейчас...

Пару минут покопавшись в телефоне, я прочел:

*Вверху одна
Горит звезда,
Мой ум она
Манит всегда,
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Меня зовет...*

– Умел же! – перебил меня Чиж. – Так вроде просто – и так широко! Гений, что тут скажешь...

Решив, что вторую половину стиха Вадиму читать бессмысленно, я сказал:

– Поэтому-то мы и едем в Шотландию, старик – чтобы посмотреть, где этот гений зародился.

Некоторое время мы дымили в тишине. Я курил сигару, Чиж – сигарету: сигары он отчего-то не любил – пару раз угощался моими, но всегда все заканчивалось фразой: «Не, не мое».

– Вот все-таки интересно, как жизнь устроена, – сказал Вадим наконец. – Предки его – в Шотландии, а он – раз! – и великий русский поэт!

– Ну, у него по всему миру потомки, ты же слышал. Тот же граф Лерма в Испании, которого он рисовал...

– Ну да, ну да, – задумчиво произнес Чиж. – Везде дворяне, а потомок в родовой усадьбе свадьбы и корпоративы проводит, чтобы концы с концами свести.

– Ну, в нынешней России другие дворяне, – с грустью сказал я. – А остальные не живут, а от колыбели до могилы концы с концами сводят...

– Это да, – вздохнул Вадим.

Он шумно затыкнулся и, бросив бычок в урну, сказал:

– Пойдем в каюту, устал я что-то...

– Шотландский виски утомил? – беззлобно хмыкнул я.

– И он тоже, – улыбнулся Чиж.

По возвращении в каюту Вадим сразу завалился в койку, а я сел за дневник – еще с самого первого путешествия взял за правило записывать все даже то, что, на первый взгляд, кажется сущей мелочью. Достал планшет и стал планомерно забивать в заметки каждую деталь, о которой вспомнил: как проснулся, выгнал «Харлей», как ехал из Баден-Бадена в Амстердам, как пересекал границу в порту...

– Макс, – позвал Чиж.

– Да, дорогой?

– Скажи, а Лермонтов был в Шотландии?

Я отвлекся от дневника. Вадим, разумеется, знал, что Лермонтов никогда не был в Шотландии – мы с ним об этом говорили, и не раз. Так что либо на почве шотландского виски у Чижа случилась временная амнезия, либо его просто потянуло на беседу.

– Нет, не был, – сказал я вслух. – Никогда. Хотя и мечтал. Это сейчас мы за четыре дня добираемся – паром плюс микроавтобус от Москвы – и кривимся, потому что самолетом быстрее, а в начале девятнадцатого века на это требовалось не менее двух недель в одну сторону. Учитывая риски, не каждый отважился бы на такое путешествие. Да и дорожные документы не всем давали – не хотел царь, чтобы дворяне просто так по заграницам шастали...

Ответом на мои измышления стал залихватский чижевский храп, который, по ощущениям, был соизвучен пятистопному ямбу поэмы «1831 июня 11 дня».

*...И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе...*

Все это было вчера, а уже сегодня утром наш паром достиг Ньюкасла. Условившись встретиться на пограничном контроле, мы разошлись по трюмам, дабы подготовить наши байки к выгрузке. Упаковав вещи, я снял специальные паромные крепежные ремни, уселся в седло и нажал кнопку стартера. Звук разрывающегося металла громом прокатился по трюму; мигом ощутив на себе испуганные взгляды других водителей, я заглушил движок.

«Вчера он точно работал потише...»

Нормально оценить работу мотоцикла до того, как весь транспорт покинет трюм, я, к сожалению, не мог: нужно было тронуться с места и проехать хотя бы несколько метров. Пришлось запастись терпением; наконец, когда пришла моя очередь покидать трюм, я завелся, воткнул первую передачу и медленно отпустил сцепление. Все стихло в момент, и байк спо-

койно покатылся вперед. Тогда я попробовал выжать сцепление на ходу, и двигатель снова недовольно загрохотал.

«Отпускаем...»

И опять – тишина. Только где-то на грани слышимости до боли знакомый и оттого приятный уху чих харлеевского движка: «Потейто-потейто-потейто...»

«Теперь нейтраль...»

Рев, скрежет, эхо по всему трюму.

«Понятно».

Я заглушил мотор. Никакой паники, естественно, не было: многолетний опыт езды на байке давно научил меня, что к поломкам мотоцикла надо относиться философски, как к неизбежному злу или предвестнику приключений. Любая, даже самая лучшая техника имеет свой ресурс. Мой «Харлей» ломался даже реже положенного – учитывая, сколько дорог я на нем исколесил.

«Главный вывод – на скорости я ехать могу. Для начала – уже неплохо».

На пограничном контроле мой байк снова оказался в центре внимания; пришлось даже заглушить двигатель и катить его руками. Думал, пограничники утомят вопросами, но они лишь пожелали мне удачи ипустили.

– Чего у тебя там с байком случилось? – спросил Чиж, когда мы оба уже были на берегу.

Я с угрюмым видом завел мотор, и тот охотно загрохотал.

– Ну нихера себе! – вздрогнув от неожиданности, воскликнул Вадим.

– А ты думал, – снова заглушив мотор, буркнул я.

– Думаешь, до Эдинбурга дотянет?

– Пока не знаю. Сейчас поедem, поглядим, как он на дороге будет.

– Ну, покатили?

– Покатили.

От порта до первой заправки было не больше километра, но без проблем не обошлось. Переключиться на правостороннее движение удалось далеко не сразу; постоянно отвлекаясь на рев мотора, я один раз выехал на встречку и трижды при круговом движении уходил вправо под смачный матерок местных водителей на джорди.

– Это проводка стартера замыкает, – сказал Чиж, когда мы заправлялись. – Судя по симптомам.

Он говорил уверенно, поскольку всю свою жизнь посвятил ремонту автотехники. Правда, большей частью специализировался на «Мерседесах», но базовые принципы механики знал на зубок.

– Наверное, – пожал плечами я. – Но почему только на нейтрالي и при выжатом сцеплении шумит, а на скорости – норм?

– Возможно, потому, что на скорости опережающая муфта выталкивает бендикс стартера, не позволяя ему греметь от непопадания в шестерню основного вала. Проводку надо прозванивать, искать, где плюсовой провод коротит, но в поле это сделать нереально. Ну и большой вопрос – не убьем ли мы стартер? Может, его пока совсем отключить и с толкача заводиться?

– Ценю твою заботу, но, блин, это все же не твой «Спорстер» в два центнера – мой «Стрит Глайд» почти вдвое тяжелей. Так что с толкача ты его не заведешь, поверь на слово – я пробовал. Так что буду приспосабливаться. – Я вздохнул. – Идти на скоростях, а при торможении глушить и на нейтрالي катиться.

– Да ну, это же целый цирковой номер! – неуверенно хмыкнул Чиж.

– Ну, цирковой. Но это ж не на всю поездку – двести километров протянуть, а там ребят из «Триумфа» попросим пошаманить, наступив на горло брендовой гордости. Хотя, думаю, когда я заеду к ним в гараж на «Харлее» с таким звуком, они будут аплодировать стоя и снимать меня на телефон.

– Это да, – усмехнулся Вадим. – Ну, смотри сам. По мне, так больно опасно все это...

– Попробуем. Все равно других вариантов нет. Эвакуатор – это если совсем встану. Ладно, давай кофе выпьем и поедем.

– Давай.

Спустя двадцать минут мы уже сидели в пятистах метрах от заправки, пили эспрессо и сквозь клубы дыма рассматривали мой несчастный байк, так не вовремя решивший захворать. Пользуясь паузой, я сверил точки в навигаторе с бумажной картой, чтобы «Гармин» ненароком не увел нас на автобан: по дороге в Эдинбург мы планировали посетить места, связанные с Томасом-Рифмачом – тем самым, который написал «Тристана и Изольду». Удивительно, но он тоже был из рода шотландских Лермонтов.

– Может, не будем рисковать и автобаном махнем прямо до Эдинбурга? – спросил Вадим.

– Чиж, если мы сейчас там не проедем, то канва восприятия шотландских мест Лермонтова нарушится. Тем более, неизвестно, что будет на обратном пути. Поэтому давай лучше в первые дни придерживаться обязательной программы, а дальше уже будем импровизировать, хорошо?

– Хорошо... – легко согласился Чиж.

Я снова склонился над картой.

– Слушай, Макс, а Лермонтов хорошо ездил на лошади? – спросил Вадим.

– Его современники уверяют, что да, – не отрывая взгляда от экрана, ответил я. – Хотя однажды он решил покрасоваться на каком-то параде и свалился с лошади, и она ему копытом в колено заехала. Попал в госпиталь, был выписан, но всю оставшуюся жизнь хромал.

– А как же он на балах потом танцевал?

На сей раз я ненадолго завис, после чего хмуро сказал:

– А вот об этом история умалчивает...

Чиж погрузился в раздумья – видно, представлял себе бал и хромого Лермонтова на нем.

– Ладно, – сказал я, разобравшись с навигатором. – Вопросы у тебя, конечно, интересные, но, как гласит байкерская мудрость, если хочешь доехать из точки А в точку Б – нужно ехать!

Мы поднялись с лавки и пошли к нашим байкам. Несмотря на поломку моего «Харлея», настроение было хорошее. Разве что Вадим едва заметно нервничал, но это было вполне объяснимо: сегодня ему предстоял самый длинный мотопереход в его жизни.

* * *

1836

То было самое начало марта, и сердце Уварова радостно билось – он предвкушал встречу с Лермонтовым, который должен был прибыть в Петербург вечером сего дня.

«Сколь многое поменялось за один год, – размышлял Петр Алексеевич, любуясь вечерним Петербургом, проплывавшим за окном их экипажа. – Сложно представить, что еще в прошлом апреле я, хоть и искал встречи с Мишелем, совершенно не знал, как относиться к его странным играм в любовь...»

С той поры, как случился разрыв Катеньки и Алексея Лопухина, Уваров, внемля совету Монго, стал чаще встречаться с Лермонтовым, дабы понять, кто же на самом деле скрывается за маской балагура и повесы. И, чем больше проводил с ним времени, тем сильнее удивлялся, сколь многое Мишель в действительности прячет от окружающих. Видимо, проникаясь к кому-то, Лермонтов все сильнее и сильнее обнажал перед ним свое подлинное естество. Это происходило и в личных беседах, и в письмах, которыми новоиспеченные друзья обменивались все охотней – особенно после временного отъезда Мишеля в Тарханы к захворавшей бабушке.

Поистине, в этой метаморфозе было нечто по-настоящему магическое.

– Не совсем только понимаю, что сегодня будет у князя Гагарина, – признался Уваров. – Званный ужин?

– Скорее, дружеские посиделки, – с улыбкой произнес Монго. – Но, безусловно, князь не оставит нас голодными! Тем более Мишель будет с дороги. Так что об этом не переживай.

Экипаж свернул на Преображенскую улицу и вскоре остановился у двухэтажного дома с фигурными колоннами, поддерживающими широкий балкон. Окна были темны, кроме одного – крайнего справа на верхнем этаже. Уваров первым выбрался из экипажа, пошел к извозчику; пока расплачивался с ним, наружу вылез Монго и, пригладив волосы, сказал:

– Не слишком-то похоже на званный ужин, правда?

Петр Алексеевич спрятал кошель обратно за пазуху.

– Ты про то, что окна не горят? Я заметил. И, признаться, удивлен.

– Об этом я и говорил, мон шер. Небольшая компания, дружеская обстановка, скромный ужин – такое уже случилось, и не раз. Правда, часто мы приезжали к князю или иным уже после бала, дабы немного побыть в тишине, подальше от суеты...

– А меня вы почему решили позвать? – спросил Уваров.

Монго замаялся – то ли не торопился отвечать, то ли действительно задумался – после чего сказал:

– Ну, я давно предлагал твою кандидатуру, но тогда мало кто тебя знал, и были определенные сомнения. Однако теперь Мишель меня поддержал, как и князь, а остальные вслед за ними не стали противиться.

Они прошли к дверям и постучали. Минуты три спустя им открыли, причем сам Гагарин, что немного удивило Петра Алексеевича, хоть виду он и не подал.

– Добро пожаловать, господа, – сказал Григорий Григорьевич.

– Здравствуй, Гриша, – с улыбкой сказал Монго. – Мишель уже здесь?

– Пока нет. Ждем-с. Но обещался быть непременно. Пойдемте наверх, к остальным.

Гости не спорили. Вслед за хозяином они поднялись по лестнице на второй этаж и остановились у двустворчатой двери гостиной, из-за которой доносились голоса самых разных тембров. Князь любезно распахнул перед Петром Алексеевичем и Столыпиным двери и сказал, входя:

– Нашего полку прибыло, господа!

В комнате было трое молодых людей: один из них, с пышными темными усами, но крайне бледным, болезненным лицом, скучал у окна; его Гагарин представил, как Жерве. Двое же остальных, Долгоруков и Шувалов, играли в шахматы, сидя за квадратным столом у левой от входа стены. Монго, едва войдя, тут же принялся радостно здороваться с каждым, и каждый здоровался с ним. Петр Алексеевич во всем старался подражать старому другу – тоже всем улыбался, тоже говорил, что рад встрече... При этом Уваров, конечно же, испытывал некоторое смущение: посиделки у Гагарина казались каким-то особенным таинством, доступным только ограниченному кругу избранных.

«Вот только, в чем это таинство состоит?»

– Так вы, стало быть, старый приятель Монго? – спросил бледный усач.

– Верно, – кивнул Петр Алексеевич.

– А с Мишелем вы тоже давно знакомы?

– Нет, виделся с ним всего пару раз, – неуверенно ответил Уваров.

– Что за допрос с пристрастием, старина Жерве? – усмехнулся Столыпин. – Мы же не в Третьем отделении!

– Э, нет! – смеясь, воскликнул Жерве. – Тут же обычный интерес, *sans aucune arrière-pensée!* (без всякой задней мысли, франц.). Ты меня с ними не равняй!

– А ты не веди себя, как они, – беззлобно сказал Монго, – и не буду.

– А кто знает, как ведут себя в самом деле агенты Третьего отделения? – прищурившись, спросил Жерве. – В Петербурге только и разговоров, что про них, а на деле никому ничего толком не известно. Поговаривают, даже Пушкин у них на попечительстве...

– Я тоже такое слышал! – вставил Долгоруков, оторвавшись от созерцания шахматных фигур.

Гагарин поморщился:

– Давайте не станем высказывать эти нелепые домыслы в адрес Александра Сергеевича? Мы с ним, может быть, и не друзья, но относимся друг к другу с большим уважением.

– Как пожелаешь, – легко сдался Жерве.

Долгоруков за столом многозначительно хмыкнул, но ничего не сказал и вернулся к шахматам.

Тут снаружи послышался стук копыт и скрип колес старого экипажа.

– Неужто прибыл наш корнет? – с улыбкой сказал Гагарин, оборачиваясь на звук.

Сердце в груди Уварова застучало чаще. Для него приезд Лермонтова был облегчением и одновременно испытанием: одно дело – письма, когда ты можешь подолгу обдумывать каждое слово, прежде чем его записать; совсем другое – живое общение, когда реагировать на сказанное собеседником надо тотчас.

«Почему, когда речь заходит о Мишеле, я так боюсь ударить в грязь лицом? – со стыдом подумал Петр Алексеевич. – Почему меня настолько волнует его обо мне мнение?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.